

ЗЕМЛЯ НЕ КОРМИТ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Яшар Кемаль — один из крупнейших турецких прозаиков нашего времени. Герои его книг — обездоленные крестьяне, арендаторы-издольщики, батраки Анатолии. В страдную пору они зачастую вместе с семьями покидают родные места и уходят на Чукурову — в одну из плодородных долин, где расположены лучшие земли Турции, — наниматься на уборку хлопка к богатым землевладельцам за ничтожную плату. Таков извечный удел многих турецких крестьян, их единственная возможность спасти семью от голодной смерти. Мы публикуем главу из нового романа Яшара Кемалья. «Земля не кормит...» — так называется эта правдивая, суровая и гневная книга.

ТАШБАШ проснулся до рассвета. Сказал жене, чтобы достала ему из мешка самый лучший наряд: расшитые шаровары, купленные у контрабандистов, чистый неизодраный минтан. Потом он смахнул пыль с чарыков и начистил их до блеска. Велел также достать узорчатые носки. В первый раз после того, как вышли из села, вымыл лицо с мылом. Долго возился с фуражкой, распрямляя измятый козырек. Не забыл протереть чистой тряпочкой четки. Перед осколком зеркала тщательно расправил бороду и закрутил усы. Серьезным внимательным взглядом, не моргая, нахмутив брови, рассматривал себя в зеркале. Затем отложил осколок и прошелся упругим твердым шагом, как бывало шагал солдатом. Когда он убедился, что выглядит достаточно внушительно, позвал Сироту Дурана.

— Слушай меня, мой сосед, — сказал он ему, — пойди кликни Османджу, Лысого Ашуга, Мустафу. И Чалому Исмаилу скажи, чтобы пришел. Пусть придут также и Безрубашечник, и Отпускник, и Заладжа, и Вонючий Хасан, и Шелудивый Махмут, и Раззутый Мурат. Пусть приходят все, кто с нами, у кого сердце не терпит несправедливости.

Вскоре около речки собралась толпа крестьян с детьми и женами. Они расположились на земле у

обрыва. Все молчали. Наконец Ташбаш поднялся, нарушая тишину щелканьем своих четок.

— Ну что вы за люди?! Надоели вы мне!..

Толпа зашумела. Ташбаш стоял, ждал, когда они успокоятся, и перебирал четки.

— В лицо мне говорите одно, ругаете старосту Сефера, а чуть он пригрозит, скажет несколько слов — сразу бросаетесь к нему... Сколько уж дней сидим мы здесь без дела, а вы молчите и терпите. Из-за него из села мы вышли позже других. Он все свалил на Старого Халила — старик, мол, виноват, что мы опоздали... Старик от страха в горы ушел. Один, без пищи... — Ташбаш говорил резко, голос его прерывался от волнения. — Соседи, вот что я решил: завтра утром я забираю своих родичей и всех, кто мне верит, и спускаюсь на Чукурову. Мы найдем себе работу, не сомневайтесь. Попробуем счастья!.. Пойдет кто-нибудь со мной?

Толпа молчала. Острые глаза Ташбаша с волнением и надеждой заглядывали в каждое лицо. Он ждал.

С земли поднялся Чалый Исмаил и подошел к Ташбашу.

— Раньше я поддерживал старосту, друг, но теперь пойду за тобой! Твоя правда, да поможет нам аллах!

— Мы тоже пойдем с вами завтра утром,— загомонили крестьяне.— Пусть староста говорит все, что ему угодно, пусть велит всех нас повесить, мы завтра ухаживаем!..

— Хватит с нас...

— Другие села уже десять дней работают на полях...

— Сколько дней мы пропустили!.. Теперь мы сами пойдем на хлопковые поля.

— Кровавый!..

— Сам он до хлопка и пальцем не дотронется, а денег в дом приносит больше всех!..

— Пусть загноятся его бока, чертов лежебока!

— Пусть его лихорадка иссушит!

— Где ступит его нога — там поднимается буря и наступает зима...

— Пусть покалечит он себе руки!

— Не говорите так, соседи, не говорите! Он не такой уж плохой человек, нрав у него только скверный...

— Предатель он! Пусть никогда не встать ему на ноги! Гниет, как навоз... Пусть рассеется, как дым в воздухе!

Ташбаш много раз слышал эту ругань и проклятия, но теперь, когда и Чалый Исмаил перешел на его сторону, маленькая надежда зародилась в нем. Но пусть даже ни один человек не пойдет за ним, пусть староста опять одержит верх, он все равно уйдет, уйдет один, и это будет большим ударом для его врага. Сейчас для него это стало вопросом чести. Правда, на него будут косо смотреть на Чукурове: человек не поладил со своим селом. Раз свои его выгнали — значит, нет проку от него. Или, может, он мошенник, вор... Эх, будь что будет!..

О сходке у реки староста узнал в тот же час. Узнал он и то, что Чалый Исмаил перешел на сторону Ташбаша. Злоба душила его.

— Этот прохвост забыл, кто спас его дочь от тех молодцов и от жандармов! Забыл он, как таскали ее по деревням?.. Не осталось мужчины, который не переспал бы с ней! Если бы не я, не избежать ей публичного дома в Адане! Пять месяцев переходила она из рук в руки. Не будь меня, совсем пропала бы. Вернулась домой с ублюдкой в животе... Ты забыл об этом, Чалый Исмаил?

У Сефера помутилось в глазах.

— Бекчи! — закричал он не своим голосом.

Сторож покорно предстал перед ним. Вид его несколько образумил Сефера. Тот, кто начинает дело, ослепленный гневом, часто кончает его с убытком для себя. Острый уксус портит даже глиняный горшок. Надо взять себя в руки. Его отец, староста Хыдыр, не давал волю своему гневу. Спокойствие всегда побеждает. Не стоит сейчас посылать за Чалым Исмаилом.

— Бекчи!

— Слушаю, мой ага!

— Ты должен, как на крыльях, спуститься вниз, на Чукурову, дойти до имения полковника, разыскать там Сумасброда Бекира и сказать ему, чтобы он как можно быстрее, без всякой задержки возвращался ко мне. Пусть приходит, даже если на Чукурове есть еще свободные поля. Не позже чем ночью или утром он должен быть здесь. Пусть попросит лошадь у аги и скачет ко мне.

А, Чалый Исмаил, вот ты каков! Ни на одного человека нельзя положиться. Если не половина, а даже треть крестьян не пойдет со старостой, то оставшимся не справиться с работами в имении полковника. Если хотя бы один человек не послушает Сефера — и то большой урон для его чести. Он не терпит ослушания! Как же быть? С крестьянами нельзя больше разговаривать, как раньше, нельзя их запугивать, угрожать им. По-другому, по-другому надо действовать. И ни один из них не должен уйти с Ташбашем. А то как помотришь в глаза полковника? Он любимец демократов. Власти прислушиваются к его словам. Слушаться-то слушаются, а поля его бесплодны. За столько лет не мог найти себе более плодородного имения. Не стал бы он давать старосте деньги, если бы получал богатые урожаи. А крестьяне мечтают убирать хлопок на хороших полях.

Сефер кусает себе руки, все думает, думает. Опять гнев овладел его душой.

Нужно привести сюда крепких парней, которые дали бы хороший урок предателям. Пусть дурней проучат на глазах их собственных детей и домочадцев. Души вон выбьют!.. Нет, так не пойдет. Нельзя все время крестьян запугивать. Особенно, когда они ожесточились и сердца их исполнились решимости. Крестьяне не любят иметь дело с властями. Нужно сказать полковнику и отправить кое-кого в участок... Но люди Исмета-паши¹ не будут стоять в стороне, вмешаются, станут на защиту крестьян. Позаботятся о своей популярности. Отцами родными прикинутся. Когда в обыкновенные дела вмешивается политика, тут уж ничего не поделаешь.

С разъяренными крестьянами лучше не иметь дела. Они на смерть пойдут, не моргнув глазом.

Связанный веник нелегко сломать, зато каждый прутик в отдельности согнешь без всякого труда. Нужно брать поодиночке. И наставлять на путь истинный. Сладкими речами и змею из гнезда выманить можно. Поласковой надо, посердечней... Чтобы слезы на глазах навертывались. Как это говорит демократ Фахри-бей? Руководить — это значит действовать согласно обстоятельствам. Иногда нужно быть убийцей, а иногда и ангелом.

Первым делом надо отыскать Старого Халила,

¹ Исмет-паша — Исмет Инёню, видный турецкий политический деятель, ближайший сподвижник Мустафы Кемаля Ататюрка, премьер-министр нынешнего правительства страны.

который, не стерпев обид, ушел один в горы. Нужно задобрить его. Крестьяне не злопамятны, они что дети. Они обрадуются, что староста не обидел старика, взял его под свою защиту. Но как отыскать эту старую свинью? Так спрятался, что найти его невозможно!

Выйдя из шатра, Сефер громким, как у глашатая, голосом позвал к себе сына Старого Халила.

— Возьми с собой двух молодых парней и иди в горы искать отца! Приведи его ко мне и скажи, что совет села, и староста, и крестьяне не имеют зла против него. Пусть ничего не боится. Вот мое слово.

Староста говорил доброжелательно и проникновенно. У сына Старого Халила даже слезы на глазах навернулись.

— Несчастный старик устал, наверное, очень, — продолжал староста, — вы по очереди несите его на спине, не позволяйте идти самому.

— Слушаюсь...

Сефер знал, что крестьяне пристально следят за ним. Обернувшись, он увидел за спиной грязную сопливаю девочку. «Что за мерзкая тварь!» — подумал он про себя. Это была дочка Рыжего Мустафы. Много лет у Мустафы не было детей, наконец аллах послал ему эту девочку. Когда Рыжий узнал, что у него родилась дочь, он побледнел, лишился языка, а потом заплясал от радости. Ни один отец на свете не радовался так рождению дочери, как Мустафа. А вырастет, распрощается с домом, поидет разорять очаг чьего-то сына. То ли дело сын — опора семьи. Имеешь сына — и светопреставление не страшно.

Вдруг Сеферу пришла в голову счастливая мысль. Он посадил девочку себе на плечи и пошел прямо к Мустафе. Несмотря на то, что девочка была очень грязна, на ней были украшения — голубые бусы, пуговицы, стекляшки. Подойдя к отцу малышки, староста снял ее со своих плеч и, с трудом преодолевая отвращение, поцеловал в щеку.

— Эта дезочка будет первой красавицей, королевой красоты. Она сведет с ума юношей нашего огромного села. Отцу немало будет забот с ней!.. — сказал Сефер и погладил волосы девочки. — Пусть только подрастет!.. И как удалось Рыжему Мустафе родить такую красивую дочь! Вот проявление мудрости и величия аллаха. В роду матери много красивых женщин — наверное, дочка в них удалась.

Рыжий Мустафа сидел в тени деревца. Как только издали он увидел старосту, поднялся. Рот растянулся у него до ушей в радостной улыбке, а в голове вертелось: «Небось, неверный, у тебя какое-нибудь дело ко мне...» Но все же он был польщен тем, что сам староста пришел к нему.

— Заходи, заходи, мой ага! — приветствовал он старосту самым радушным голосом. Но Сефер не присел, улыбнулся только, собираясь тут же уйти.

Убедившись, что крестьяне вроде бы успокоились и разошлись по своим делам, Сефер направился к Чалому Исмаилу. Тот удивился и встревожился, когда увидел старосту. Побледнел и не сразу нашелся, что сказать, даже не пригласил сесть. Сефер с первого взгляда все понял. Не дожидаясь приглашения, сел на неубранную постель и начал сам:

— Ну, как дела, Исмаил-ага? Чего это ты косо смотришь на нас? Что я — убил твоего отца? Вот шел мимо и решил посмотреть, что поделявает наш Исмаил-ага... Сообщу-ка ему радостную весть: мы получим на Чукурове урожайное поле, пусть не тревожится. Как только Сумасброд Бекир вернется, мы сразу спускаемся вниз и приступаем к работе. Известно, крестьяне — народ нетерпеливый и недоверчивый... Не верят, что долготерпение вознаграждается. Сумасброд Бекир вернется не сегодня, так завтра. Он нашел поле, на котором каждый соберет по пятьдесят кило хлопка в день. Да-а, Исмаил-ага, сын моей старшей тетушки! Крестьяне легко поддаются на соблазны, которыми их стараются прельстить.

С лица Исмаила не сходило беспокойство, он не мог поднять взгляда. В стороне сидели, понутив головы, его сыновья, жена и дочь. Сефер повернулся к ней.

— Подойди-ка ко мне, красавица, подойди-ка! Честно говоря, я пришел сюда из-за тебя. Если бы мне грозило отсечение головы, все равно я не пришел бы к моему родственнику, твоему отцу. Но ты заставила меня согнуть шею и явиться сюда. Сядь-ка поближе. Те, кто творил с тобой злые дела, не ускользнут от меня. Пройдут месяцы, годы, но я не забуду твоего горя и не прощу твоим обидчикам. Они понесут тяжелое наказание. Дойдет и до них черед. Все мое время. Час возмездия близится. Тех, кто посягает на честь моих односельчан и их дочерей, я давлю, как муравьев. Подойди ко мне поближе, сядь поудобней!

Девушка залилась краской и устроилась против Сефера на земле, низко склонив голову.

— Девушка, я отомщу за тебя. Мир подивится моей мести. Твои обидчики онемеют. На Чукурове есть очень влиятельные демократы — это честные и справедливые люди, их не подкупишь никакими взятками. Я не смогу спокойно заснуть, пока не узнаю, что преступники упрятаны в тюрьму. Чалый Исмаил может мне не верить. Но это дело моей чести. Дочь моя, не гляди на своего отца, аллах его уже покарал! Он проглотил обиду, а я не могу. Я не могу стерпеть, чтобы люди говорили, что девушку из села Сефера-эфенди утащили озорники и пять месяцев с ней забавлялись, а он допустил такое дело и не наказал преступников. Этак всех баб наших растащат! А сейчас я пришел за тем, чтобы ты еще раз рассказала мне все, что с тобой произошло, во всех самых мельчайших подробностях. На основании твоего рассказа я составлю прошение властям. Я так все опишу, что тот, у кого окажется в руках моя бумага,

будет рыдать навзрыд, как ребенок! Чалому Исмаилу нет до тебя дела. У него в жилах кровь высохла. Если бы в нем билась живая кровь, разве бросил бы он своего племянника, стал бы крыть его на все корки, переметнулся бы на сторону его врагов, поддавшись их лживым речам? Разве оставил бы тебя неотмщенной? То-то не может посмотреть нам в глаза!..

Девушка пунцово покраснела и еще ниже опустила голову. Снова начиналась мучительная пытка. Сердце ее билось, как птица в клетке. Староста торопил. Она несколько раз пыталась заговорить, но слова застревали в глотке. Она даже вся покрылась испариной.

— Тогда не надо рассказывать, — заорал староста. — Сразу видно, что ты дочь Чалого Исмаила! В вашем роду у всех гнилая кровь. Как я могу хлопотать за тебя, когда ты не хочешь рассказать мне подробно, что с тобой произошло? С чем я пойду к демократам? Могу ли я им описать твоё несчастье, когда сам ничего не знаю?..

Мать бросилась к дочери, с силой затрясла ее.

— Чтоб тебе подохнуть! Слышишь, сейчас же все расскажи дядюшке Сеферу! — орала она. — Ну, говори же, чтобы он мог заковать в цепи этих мерзавцев. Не смотри на своего отца!.. Он враг нашего дома, дочь моя! Ни на что он не способен. Не то он, как всякий мужчина, застрелил бы этих молодцов. И сам сел в тюрьму... Я лелеяла бы его, точно розу, будь он настоящим мужчиной...

— Ну говори, говори же, дочь моя, — торопил Сефер, — помнишь, как ты рассказывала в тот день, когда я вызволил тебя из рук этих бандитов и привел домой?.. Еще жандармы тогда приходили. Но лучше всего ты рассказывала в последний раз, помнишь? Я даже плакал, и дрожь пробирала мое тело. Если бы я запомнил тогда все и передал слово в слово хозяевам Чукуровы, они знали бы, как с ними расправиться! Да вот беда, позабыл я...

Девушка подняла мокрое от слез лицо и поглядела на него умоляющими глазами. Потом перевела взгляд на мать, на отца, на братьев. Те потихоньку вышли из шатра. Мать от раздражения не могла устоять на месте.

— Ну рассказывай же, проклятая шлюха! — кричала она. — Что ты вдруг стала такая стеснительная? Другого выхода нет!..

Староста наклонился к девушке и заговорил самым ласковым голосом:

— Скажи, ребенок ведь умер? Ты родила его мертвым? Ах, несчастное ты мое дитя!..

Девушка кивнула головой.

— Вай! Вай! Как болит мое сердце за крошек, которые рождаются мертвыми. От неизвестных отцов...

Девушка снова подняла лицо: те же умоляющие

глаза, щеки красные, лоб в капельках пота. Отерла лицо рукавом.

— Вот... так было... — начала она. — Я была в поле. Отец пошел к дядюшке Эккешу за хлебом. И задержался надолго. Вот так...

Она говорила бессвязно. Потом, когда волнение ее улеглось, речь потекла более плавно:

— Вот... Я начала подметать ток. Вы знаете лысого Османа из соседнего села, вот его сын Ибрагим... Они убирали поля рядом с нами. Да-а... И я его видела. «Девушка, — сказал он. — Отец мой богатый. Приходи ко мне». Я ничего не ответила. Когда я подметала ток, из-за стога вышли двое. Я посмотрела, один из них был Ибрагим. Они ничего не говорили, а сразу схватили меня за руки и потащили. Я не могла понять, куда они меня тащат. Уже темно стало...

Дыхание у нее перехватило, и она смолкла. Мать подтолкнула ее локтем. Лицо старосты напряглось, глаза блестели, он судорожно глотал слюну.

(Продолжение следует)

Перевели с турецкого
Г. АЛЕКСАНДРОВА и К. ГЛАЗУНОВА

АЛЬБА ДУ ЭСПИРИТУ САНТУ

Остров Сан-Томе

КОРИЧНЕВЫЙ ПЛЕС ГАМБУА

Мои песни выплеснуло за грань горизонта,
туда, где раздутые животы и иссохшие плечи
моего голодного детства,
туда, где моя обездоленная земля,
туда, на коричневый плес Гамбуа.
И малыш, что сидит на песке плеса Гамбуа
возле хижины с крышей из пальмовых листьев,
пусть услышит
безысходный, раздирающий душу мотив.
Я вижу, как над землей
плывет рыба в корзине
на голове его матери.
Я вижу эту женщину, стоящую на пороге,
ее изможденные руки,
худую спину, согнувшуюся под тяжестью жизни,
под тяжестью рыбы,
которую этот малыш, когда подрастет,
будет ловить в море.
И всегда, возвращаясь домой,
будет ступать босиком
по ласковому песку
коричневого плеса Гамбуа.

Перевел с португальского
Н. ОЛЕВ